

знание обогатило этимологию положением о системном характере языковых отношений на всех уровнях, но вместе с тем установка на исследование синхронных структур вызвала к жизни такое понятие, как статическая этимология, понятие, ограничивающее задачи и цели этимологии. Этимология — наука прежде всего историческая, но реконструкция этимона предполагает исследование системных отношений разных синхронных срезов. Из работ последних десятилетий видно, что усилия этимологов направлены на углубленную разработку основных этимологических критериев и установление принципов взаимодействия, взаимозависимости различных критериев в ходе лингвистического анализа. На очереди построение общей типологии и теории этимологических исследований. С этим связан интерес к вопросу об отношении этимологии к точным наукам, к вопросу о том, как и в какой степени возможна формализация исследовательского процесса.

Этимология вступает в качественно новый период своего развития. Свидетельство тому — оживление интереса к этимологии, твердое осознание комплексного характера этимологической науки и первые опыты типологических построений.

Ж. Ж. Варбот, Л. В. Куркина

Цейтлин Р. М. Лексика старославянского языка. Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X—XI вв. М., 1977, 336 с.

Рецензируемая монография Р. М. Цейтлин, известного палеослависта-лексиколога и лексикографа, безусловно, представляет значительный вклад в изучение лексики и словообразования старославянского языка. Начинаясь с небольшого предисловия и завершающаяся рядом приложений, она состоит из трех частей. В вводной части «Общая характеристика словарного состава» (с. 7—67) автор ставит и разрешает ряд вопросов, связанных с общей проблематикой исследования. В первом разделе этой части Р. М. Цейтлин вновь возвращается к выяснению значения термина «старославянский язык», который понимается «различными исследователями многозначно» (с. 7). Сам автор определяет старославянский как «письменно-литературный язык, которым владели книжники культурных центров Юго-Западной (Македонской) и Восточной Болгарии конца X—XI в. и на котором написаны древнеболгарские рукописи этого времени» (с. 12).

И хотя такое понимание термина «старославянский язык», конечно, имеет определенные основания, однако рецензент не может его разделить с автором монографии. Старославянский как литературно-письменным языком владели книжники разных культурных центров, в том числе и прежде всего там, где протекала деятельность самих славянских просветителей, в Моравии и Паннонии. Такое ограничительное понимание термина «старославянский язык» связано у Р. М. Цейтлин с тем, что непосредственными и прямыми источниками для нее являются лишь 17 памятников древнеболгарского извода, определяемого, как известно, в основном фонетическими показателями. Памятники X—XI вв. других изводов, «в том числе и те, древнеболгарское происхождение которых несомненно» (с. 14), отнесены Р. М. Цейтлин к церковнославянским. При таком определении объема исследуемых рукописей возникает естественный и закономерный вопрос, насколько репрезентативны данные этих памятников для описания лексической системы литературно-письменного языка, каким владели книжники Болгарии в двух ее культурно-исторических центрах. Ведь хорошо известно, что собственно древнеболгарские памятники «представляют собою ж а л к и е (разрядка моя. — Т. И.) остатки некогда, без сомнения, обширной духазвучной древнеболгарской письменности, случайно сохранные судьбою от гибели в разных местах вне

пределов своей родины и дошедшие до нас в самом неприглядном виде»¹. Достаточно в этом случае указать, например, на недавно открытую дефектную рукопись Енинского апостола, содержащую всего 39 листов (т. е. далеко не полный текст апостола), которая, однако, позволила значительно пополнить наши сведения о лексике старославянского языка, см. 31 с. рецензируемой книги². Даже такой литературный памятник, как евангелие, дошедший до нас в четырех больших по объему рукописях, безусловно, имелся в значительно большем количестве списков, некоторые из которых дошли до нас либо в виде отдельных листов (лл. Ундольского, Охридские), либо как палимпсесты (Боянский и Зографский пал.). Более того, как это убедительно показано самой Р. М. Цейтлин, каждое из этих евангелий имеет ряд лексических особенностей, присущих только одной конкретной рукописи, иначе — отражает или индивидуальные особенности языка писца данной рукописи, или черты протографа (протографов!), или, что тоже не лишено вероятности, характерные черты особой писцовой школы. В палеославистике известны попытки расширить круг известных нам школ старославянской книжности³. В связи со сказанным выразим сожаление, что в основной корпус исследованных рукописей не были внесены все остальные, известные нам памятники славянской письменности того же синхронного среза (X—XI вв.), в особенности те, которые несомненно являлись списками с древнеболгарских рукописей, какими в большинстве своем были древнерусские рукописи XI в. Заметим, что и сама Р. М. Цейтлин хорошо понимает, что «до нас дошли далеко не все рукописи, написанные на СЯ», и что более всего из-за этого «страдают наши знания СЯ в области лексики» (с. 19). Вместе с тем она упрекает многих авторов за то, что они в своих работах приводят в качестве иллюстративного материала такие слова, каких нет в старославянских памятниках, и на с. 21 «в качестве доказательства» приводит сто подобных слов. Однако в большинстве своем это слова либо типа *гъвадъ*, существование которых в старославянском языке подтверждается, что признает и Р. М. Цейтлин, производными от них словами, зафиксированными в старославянских памятниках, либо типа *вєсь*, *мравин*, доказать отсутствие которых в старославянском языке нельзя. Напротив, то обстоятельство, что подобные слова засвидетельствованы в памятниках письменности, возникших в ту же эпоху, что и изученные Р. М. Цейтлин рукописи, позволяет отнести их к лексическому составу старославянского языка (см. Сл. ЧСАН, т. I, с. 138, т. II, с. 232; ср. также употребление в Синайском патерике, памятнике русского извода конца XI в., слов *вєсь*, л. 118.18 и *мравин*, л. 128 об., 16). Конечно, Р. М. Цейтлин совершенно права, что слова, подобные *драгоцѣньнъ* и *младость*, отсутствовали в старославянском языке. Но чтобы доказать это, потребовались специальные разыскания автора монографии. Думается, что также излишне прямолинейно решает автор и вопрос о «мнимых» словообразовательных формантах старославянского языка (с. 25). Так, суф. им-зафиксирован в слове *женима* в Номоканоне, переводчиком которого, возможно, был Мефодий (см. Сл. ЧСАН, т. I, с. 598), а также в том же слове и в Синайском патерике, л. 19 об. 15—16. Что касается приставки-предлога *чръъзъ*, то, как мне кажется, более права болгарская исследовательница Р. Павлова, писавшая о том, что отсутствие этого форманта в древнеболгарских текстах «не является достаточным, чтобы полностью исключить употребление *чръъзъ* в старославянском языке». Поскольку «сохранившиеся древнеболгарские

¹ Соболевский А. И. Древний церковнославянский язык. Фонетика. М., 1891, с. 12.

² См. также Копыленко М. М. Рец.: Мирчев К., Кодов Хр. Енински Апостол. Старобългарски паметник от XI век. — ВЯ, 1966, № 4, с. 159—160; *Он же*. Материали для словаря раннего древнеславянского литературного языка, I. М., 1977, с. 7—10.

³ Гълъбов И. Ранни школи на стария български книжовен език. — Български език, 1968, г. XVIII, кн. 2—3, с. 141—148.

тексты дают очень неполное представление о богатстве древнеболгарского языка», а предлог-приставка чръкъзъ имела «низкую частоту употребления», то «можно предполагать, — пишет Р. Павлова, — что древнейший материал, которым мы располагаем, мог и не отразить употребление этого грамматического средства». Далее, ссылаясь на исследование Э. Благовой, Р. Павлова приводит косвенные доказательства того, что этот формант вполне мог быть в старославянском языке⁴.

Таким образом, все, изложенное выше, дает основание полагать, что материал только 17 памятников, больше половины которых очень невелико по объему, вряд ли совершенно достаточен для описания лексической системы старославянского языка, даже в том узком понимании этого термина, которого придерживается Р. М. Цейтлин. Поэтому представляется вполне закономерным привлечение словарных данных и других памятников, отнесенных автором к церковнославянским. И хотя в специальных частях данные этих памятников нашли отражение, однако, как нам кажется, они используются автором недостаточно.

В следующих разделах вводной части исследования Р. М. Цейтлин останавливается на более специальных вопросах. Так, раздел «Количественная характеристика словарного состава старославянских памятников» (с. 26—43) содержит разнообразные статистические данные, интересные и показательные в разных отношениях, которые, несомненно, во многом уточняют известные нам сведения о лексике древнейших памятников славянской письменности. В разделе «О дифференциации лексики старославянских памятников» (с. 43—54) вводится важное разграничение между «словами общестарославянского распространения» и словами, известными лишь в одном из старославянских памятников или в определенной группе их. По-новому решается вопрос о соотношении охридской и преславской лексики. На разнообразном материале аргументировано доказывается, что лексика Охридской книжной школы в большинстве своем была общестарославянского распространения. Однако в связи с тем, что «культурные школы, существовавшие в древней Болгарии и в соседних с нею землях, развивались во взаимодействии и испытывали взаимное влияние» (с. 50), восточноболгарские (преславские) слова могли проникать в памятники западноболгарского происхождения. Здесь же убедительно обосновывается необходимость разграничения лексических дублетов (разнокоренных слов), а также фонетических и словообразовательных вариантов (однокоренных слов) как слов, генетически принадлежащих разным системам (языкам, говорам), от синонимов, которые в отличие от дублетов и вариантов «принадлежат генетически, как правило, к одной языковой системе» (с. 52).

Ученый школы Г. О. Винокура, Р. М. Цейтлин в своем описании лексической системы старославянского языка следует за теми исследователями, которые в той или иной степени развивают идеи ее учителя. Так, вслед за Г. О. Винокуром вводится понятие «мотивирующего» и «мотивированного» слова. При этом исторически производные существительные типа жиръ в работе рассматриваются как простые, немотивированные слова.

Первая специальная часть (с. 68—185) монографии Р. М. Цейтлин посвящена описанию суффиксальных существительных двух семантических категорий (категории лица и абстрактных). В работе тщательно описаны засвидетельствованные в старославянских памятниках мотивированные слова с суффиксами -никъ, -никъ, -(н)тель, -къ, -аръ, -чин, -ца, -яца, -ста, -ата, -ган, -нио (-ница), -ыни, а также с суффиксами -ство, -кствие, -ость (-ость), -ста (-юта), -ыни, -изна. Здесь мы находим много интересных наблюдений. Напр., уточняется значение слова закъданикъ как 'тайно подкупленный, наущенный' (с. 73). Следовало бы только отметить, что это значение вторично и, как кажется, обусловлено пере-

⁴ Павлова Р. Пространственные конструкции в древнерусском языке в сопоставлении с древнеболгарским языком. София, 1977, с. 125.

носным значением греч. ἐγκάθετος⁵. Точно так же интересны замечания автора в отношении слов съборникъ (с. 85), казникъ (с. 112), клетарк (с. 117) и многих др.

Однако некоторые выводы, к которым приходит Р. М. Цейтлин, представляются иногда в достаточной степени спорными. Так, вряд ли можно безусловно согласиться с автором в том, что «все слова данных семантических категорий... не являются кальками своих греч. соответствий» (с. 181). Думается, трудно доказать, что ст.-сл. отъхъдникъ, отъшкликъ, ошкликъ не являются кальками греч. ἀναχωρητής. В связи с этим кажется достаточно категоричным утверждение автора, что «все лексемы рассмотренных моделей — славянские по своему происхождению и образованию» (с. 182).

Вызывают сомнение некоторые критерии, используемые Р. М. Цейтлин для определения продуктивности той или иной словообразовательной модели. Так, с ее точки зрения, о высокой продуктивности суффиксальных образований на -ствъ «свидетельствует значительное количество прилагательных и глаголов СП, образованных (прямо или опосредствованно) от существительных этой группы» (с. 158), ср. тоже на с. 169, 175, 183. Кажется, что мотивирующими лексемами могут быть в равной степени и слова непродуктивных моделей, а частотность мотивированных и продуктивность мотивирующих лексем не обязательно находятся в причинно-следственной связи.

Третья часть монографии Р. М. Цейтлин посвящена сложным словам (с. 186—284). В ней рассмотрено 611 сложений с учетом шести возможных типов соотношения между греч. оригиналом и слав. переводом, о которых говорится в предварительных замечаниях. И в этой части мы находим много тонких и интересных наблюдений. Так, нужно согласиться с Р. М. Цейтлин в том, что сложения-причастия, безусловно, были первичными по отношению к личным формам глагола, а поэтому «выделение в словарях СЯ инфинитивов типа дьлѣгьтрьлѣти, нѣмоглагелати, саморасти следует признать искусственным» (с. 281). Автор справедливо критикует ряд изданий старославянских памятников, в которых факты соположения (юкстапозиции) интерпретированы как сложные слова (с. 281). Общие выводы этой части исследования сомнений не вызывают, они вытекают из рассмотренного материала и хорошо аргументированы.

Монография Р. М. Цейтлин оканчивается рядом приложений, среди которых имеется библиографический список работ, упоминаемых в тексте книги (с. 297—310). Однако он не полностью отражает использованную автором литературу вопроса. Так, например, на ряде страниц книги имеется ссылка на исследование Ж. Ж. Варбот «Древнерусское именное словообразование», в библиографии же оно не указано. Точно так же в библиографии нет указания на работу С. В. Фроловой, ссылка на которую имеется на с. 27. В заключение следует сказать, что несмотря на чрезвычайно возросшее количество работ, связанных с проблематикой исследования, Р. М. Цейтлин прекрасно известна литература вопроса как общего, так и частного характера. С сожалением приходится отметить, что она не смогла использовать в своей работе «A patristic Greek Lexicon» Н. W. Lampe. По-видимому, осталась ей неизвестной и монография Св. Николаича «Nomina agentis у старословенском језику».

Книга Р. М. Цейтлин — большой и обстоятельный труд, без которого, безусловно, не смогут обойтись будущие исследователи лексики и словообразования старославянского языка. Палеославистика с выходом в свет рецензируемой книги пополнилась еще одним интересным и полезным трудом.

Т. А. Иванова

⁵ *Sophocles E. A. Greek Lexicon of the Roman and Byzantine periods. Boston, 1870, p. 413.*